

You have downloaded a document from
RE-BUŚ
repository of the University of Silesia in Katowice

Title: O avlenii vtoricnoj nominacii v zargone (na primere pol'skih i russkih nazvanij lokomotivov v reci zeleznodoroznikov)

Author: Macej Val'cak

Citation style: Val'cak Macej. (2009). O avlenii vtoricnoj nominacii v zargone (na primere pol'skih i russkih nazvanij lokomotivov v reci zeleznodoroznikov). W: M. Nadel'-Cervin'ska, A. Zyh (red.), "Leksika podstandarta. T. 2, Sovremennye zargony i ih opisanie" (S. 59-68). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego

Uznanie autorstwa - Użycie niekomercyjne - Bez utworów zależnych Polska - Licencja ta zezwala na rozpowszechnianie, przedstawianie i wykonywanie utworu jedynie w celach niekomercyjnych oraz pod warunkiem zachowania go w oryginalnej postaci (nie tworzenia utworów zależnych).

Мачей Вальчак

Катовице—Сосновец, Польша

О явлении вторичной номинации в жаргоне (на примере польских и русских названий локомотивов в речи железнодорожников)

Стремление к экономии речевых средств, как характерная особенность языка, проявляется, в частности, и на лексическом уровне. Как замечает В.Н. Телия, «„экономичность” языка вынуждает его избегать количественного приращения единиц его плана выражения и [...] обращает номинативную деятельность в русло вторичной номинации — к переосмыслению уже имеющихся в языке номинативных средств»¹. Поэтому в языковой действительности нередко приходится встречаться с тем, что одно название относится ко многим (по крайней мере к двум) референтам. Иначе говоря, нескольким объектам или явлениям внеязыковой действительности приписывается общее название. И даже если между называемыми одним словом референтами не обнаруживается на первый взгляд никаких сходств, то при более внимательном анализе можно выявить некоторые признаки, раскрывающие их подобие в представлениях говорящих. Какие именно признаки референтов могут обуславливать явление вторичной номинации, из чего следуют их сходства, и каким образом их можно обнаружить, — эти вопросы были предметом рассмотрения в данной статье, материалом для которой послужили польские и русские жаргонные названия² железнодорожного подвижного

---

¹ В.Н. Телия: *Вторичная номинация и её виды*. В: *Языковая номинация (виды наименований)*. Ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. Москва 1977, с. 132.

² Источники: „Świat kolei” 2005, nr 10; strony internetowe: mgr inż. Dżyszła: <http://www.dzyszla.aplus.pl>, Infokolej — Niezależne Forum Kolejowe: <http://infokolej.pl>, <http://www.ksc.rail.pl/przezviska.html>; Русский железнодорожный сленг: <http://parovoz.com/>

состава, т.е. «локомотивов, грузовых вагонов, пассажирских вагонов локомотивной тяги и мотор-вагонного подвижного состава, а также иного предназначенного для обеспечения осуществления перевозок и функционирования инфраструктуры»³. Однако прежде чем рассмотреть этот материал, обратимся для начала к понятию жаргона.

Исследование жаргонной лексики неизбежно порождает необходимость уточнения указанного термина, поскольку в лингвистической литературе нет единого и общепринятого толкования соответствующего ему понятия. «Жаргон» в русском языкознании иногда трактуется как синоним «сленга» и «арго». Жаргон обычно объясняется как «разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии, положения в обществе, интересов или возраста»⁴. В польской лингвистической литературе данный термин вследствие его уничижительности, как правило, не употребляется, заменяясь словом «slang» или словосочетанием «język śródowniskowy» (иначе «gwara śródowniskowa»). В подобном значении используется также термин «socjolekt»⁵. А. Домбровска предлагает подразделять социолекты на две группы: «gwara zawodowa» («profesjonalna») и «gwara śródowniskowa»⁶. В русском языкознании термин «социолект» встречается скорее в значении социального, чем профессионального диалекта⁷.

Основное различие между русской и польской лингвистической традицией, следовательно, сводится к тому, что русский термин «жаргон» нейтрален, в то время как польский — маркирован. В настоящей статье будет использоваться русское представление о данном термине, обозначающем язык группы людей, объединенных также по признаку профессии. Необходимо отметить, что некоторые интересовавшие нас жаргонные названия подвижного состава (не только выбранные) можно встретить и в речи любителей железной дороги. Пересекаясь с жаргоном железнодорожников, они образуют нечто вроде своеобразного интержаргона. Однако в силу того, что рассматриваемый нами профессиональный жаргон железнодорожников не был до сих пор предме-

spravka/slang.html, Русский железнодорожный жаргон: http://www.terms.com.ua/pages/trail_slang.html.

³ Федеральный закон о железнодорожном транспорте в Российской Федерации от 27 декабря 2002 г.: <http://www.kodeks.ru/noframe/free-urbib?d&nd=901838120&prevDoc=820010227&mark=01IBRRF1AJ77UT3FIS1MM39QLPC328PECSF2460S713OB76492460S71#10>.

⁴ *Большой энциклопедический словарь (языкознание)*. Ред. В.Н. Ярцева. Москва 2000, с. 151.

⁵ Ср. *Encyklopedia języka polskiego*. Red. S. Urbańczyk, M. Kucała. Wrocław—Warszawa—Kraków 1999, с. 160—161, 460.

⁶ А. Дąbrowska: *Język polski*. Wrocław 1998, с. 247.

⁷ Ср. Т.И. Ерофеева: *Понятие «социолект» в истории лингвистики XX века*. В: *Изменяющийся языковой мир*. Пермь 2002. <http://www.philology.ru/linguistics2/erofeeva-02.htm>.

том обстоятельного лингвистического интереса, трудно было бы на данном этапе определить четкую границу между речью самих железнодорожников и любителей этого вида транспорта. Поэтому мы решили использовать далее не уточняемое определение «железнодорожный жаргон».

Если присмотреться к некоторым словам железнодорожного жаргона, называющим единицы подвижного состава, можно заметить, что во многих случаях вторичной номинации поддаются лексемы, относящиеся в литературном языке к следующим номинативным группам:

- (1) обозначения животных;
- (2) имена собственные;
- (3) названия национальностей;
- (4) обозначения неодушевленных предметов.

1. К группе лексем, основой переосмысления которых были названия животных, можно отнести такие: *papuga*, *byk*, *krowa*, *świnia*, *krokodyl*, *rekin*, *kaszalot*, *suka*; *ежик*, *жаба*, *кобыла*, *крокодил*, *овечка*, *понугай*, *сука*, *утка*, *щука*. Этим жаргонизмам, за исключением слов *сука* / *suka*, *овечка*, *ежик*, *утка*, *щука*, свойственно то, что они носят ассоциативный характер. Названные единицы вторично мотивируются под действием определяемого сходства характерных физических признаков референта-основы и референта, для названия которого вторично употребляется данное слово. Это связано с языковой картиной мира и явлением категоризации. Как замечает Й. Мачкевич, «w roli cech charakterystycznych występują głównie zewnętrzne cechy obiektu odbierane zmysłami, przede wszystkim wzrokiem, a więc cechy percepcyjne oraz cechy funkcjonalne, charakteryzujące obiekt w odniesieniu do człowieka»⁸. Следует добавить, что характерные признаки не обязательно существенны в отношении референта, однако в момент наименования они должны перцептивно преобладать⁹. Что касается польской лексемы *papuga* в ее основном значении в литературном языке, референтной чертой, легшей в основу переноса, оказалась специфическая яркая окраска птицы, в частности цвета красный, голубой и белый. Как жаргонное слово *papuga* обозначает пассажирский вагон (тип Z1), окрашенный в соответствующие цвета. Тем самым, в данном случае вторичную номинацию предопределяет сходство цветов обоих референтов. Следует добавить, что подобное значение лексема имеет главным образом в речи любителей железной дороги. В жаргоне самих железнодорожников *papuga* может обозначать радиотелефон или локомотив, серийный номер которого совпадает с инвентарным (напр., EP09-009). Что именно легло в основу вторичной номинации слова *papuga* в значении радио-

⁸ J. Maćkiewicz: *Kategoryzacja a językowy obraz świata*. W: *Językowy obraz świata*. Red. J. Bartmiński. Lublin 1999, s. 51.

⁹ Por. M. Brzozowska: *Derywaty onomazjologiczne (asocjacyjne) w językowym obrazie świata*. W: „Język a Kultura”. T. 13. Red. A. Dąbrowska, J. Anusiewicz. Wrocław 2000, c. 143.

телефона, можно лишь предполагать, вероятно, его способность «говорить» скрипящим голосом, как попугай.

В случае с локомотивом вторичная номинация, судя по всему, основывается на признаке «подобный, повторяющий(ся), такой же», обнаруживаемом в переносном значении слова литературного языка: *papuga* ‘o kimś powtarzającym coś (bezmyślnie)’; *papugować* ‘kopiować, plagiatować’. Русское жаргонное слово *попугай* (‘электропоезд «повышенной комфортности»’) приобрело свое значение, скорее всего, под влиянием признака «имитация, то, что ложное». В случае с поездом это, возможно, «подражать», «притворяться» комфортным, не являясь таковым в действительности, т.е. его внешняя броскость, яркость, воображаемая им самим о себе привлекательность на фоне других, — заносчивость попугая. Общей же чертой референта лексемы *buk*, обозначающей в польском жаргоне грузовой электровоз (ET22), и референта-основы является, прежде всего, большой размер, а также представления о силе и мощности. Этот локомотив определяют также как *krowa* и *kaszalot*. Как в случае названия *buk*, так и в случае двух последующих наименований в основу номинации ложится признак размера, большой величины. Однако здесь присутствуют еще также, как представляется, признак формы (неуклюжесть) и способ осуществления действия (медленность).

Еще одним названием указанного локомотива является *rekin*. Возможно, что в этом случае вторичную номинацию обуславливает сходство формы тела акулы и кузова локомотива, а также сходство отверстий боковых вентиляционных жалюзи с жабрами этой хищной рыбы. К тому же специфическое сочетание цветов в передней части локомотива и квадратная форма фар ассоциируются с головой акулы. Для обозначения этого локомотива, таким образом, используется несколько лексем. Из чего следует, что как сам процесс номинации, так и связанная с ним категоризация, явления относительные и субъективные, зависящие от знаний и потребностей субъекта, дающего название. Кроме того вариативность названий одной и той же единицы может быть следствием территориальных различий.

В основу следующего русского жаргонного названия — *крокодил* (тепловоз ЗТЭ10М) и польского *krokodyl* (тепловоз SM41) положены общие признаки — цвет (зеленый) и размер (длина). Вторичная номинация основывается в данном случае на представлениях о крокодиле (животном), который, как и другие гады (ящерица, черепаха, а также лягушка, змей), ассоциируется в сознании носителей языка с зеленым цветом. Лексема же *кобыла* вторично мотивирована на основании функционального сходства между животным и локомотивом (общий семантический признак: «то, что тянет»). Этим словом определяется локомотив, предназначенный для тяги пассажирского состава.

В польском железнодорожном жаргоне пассажирский электровоз (EP08) определяется названием *świnia*. В отличие от русского названия подобной

единицы тяги, польская лексема вторично мотивирована на основании сходства признаков формы (круглость) и цвета (телесный или ярко-оранжевый цвет). Как уже было сказано, исключения составляют жаргонные наименования *сука* / *suka*, *овечка*, *ежик*, *утка*, *щука*. Указанные лексемы возникли вследствие игрового расширения первого (реже последнего) члена эксплуатационного названия соответствующей единицы подвижного состава: *сука* — паровоз Су, *suka* — универсальный тепловоз SU46 (реже SU45), *овечка* — паровоз серии Ов, *ежик* — метровагон Еж, *утка* — тепловоз 2ТЭ10УТК, *щука* — паровоз серии Щ, *кукушка* — паровоз серии К.

Таким образом, в рассмотренной группе названий явление вторичной номинации детерминируют ассоциативные связи характерных физических признаков определенных референтов, прежде всего такие, как цвет, форма и размер, — преимущественно для польской части материала. Для русских жаргонных названий более характерно применение во вторичной номинативной функции лексем, образованных через модификацию эксплуатационного названия. Количественно к этой группе примыкают обозначения, возникшие на основании имен собственных.

2. Примером жаргонных названий, формально связанных с именами собственными, могут быть такие слова: *edek*, *edyta*, *bolek i lolek*, *jaś i malgosia*, *iwan*, *sergiej*, *tamara*, *walentyzna*; *вильгельм*, *владик*, *машка*, *маруся*, *федя*, *шурик*. Использование имен собственных в качестве обозначений неодушевленных предметов сопровождается их переходом в разряд нарицательных. Это в свою очередь влечет за собой необходимость написания их со строчной буквы. Точности ради приведем слова М.В. Горбаневского: «утрачивая функцию индивидуализации, выделения из ряда, они [имена собственные — М.В.] приобретают прямо противоположную функцию обобщения»¹⁰. Поэтому встречаемое иногда написание интересующих нас названий с большой буквы следует определять как неверное.

Польские лексемы *edek* и *edyta* вторично мотивированы так же, как названия *кукушка* или *suka*, т.е. через расширение буквенной части эксплуатационного названия. Данные слова относятся в этом случае к электропоезду типа ED72. Составные определения *bolek i lolek*, *jaś i malgosia* своей двучленной структурой могут предполагать, что в основу вторичного их использования для названия грузового электровоза серии ET41 положено представление о чем-то двойном. Действительно, этот локомотив представляет собой сочетание двух элементов в единую тяговую единицу. Используемое название дает также основание считать, что обе части локомотива представляют собой нераздельное целое. Таким образом, в основу вторичной номинации положена структура составного названия и его перенос на двойную конструкцию электровоза. Что касается лексем *iwan*, *sergiej*, *tamara*, *walentyzna*, то их пере-

¹⁰ М.В. Горбаневский: *В мире имен и названий*. Москва 1983, с. 134.

носное употребление обусловлено указанием на страну, где данная единица подвижного состава была произведена. Эти названия относятся также к типичным именам, с которыми поляки обычно отождествляют определенную нацию.

Подобные обозначения нередко играют роль обобщающего названия жителей данной страны и имеют пренебрежительный и иронический признак (ср. „Iwany” = русские / украинцы, „Pepiki” = чехи, „Helmuty” = немцы). Они могут также использоваться для обозначения изобретений зарубежной технической мысли. *Iwan, sergiej*, таким образом, обозначают производившийся в СССР тепловоз серии ST44. Аналогично мотивируются лексемы *tamara* и *walentyňa*, обозначающие советский тепловоз SM48. Не исключено также, что слово *tamara* могло использоваться подобно таким названиям, как *edek* и *edyta*, так как русское эксплуатационное обозначение данного тепловоза — ТЭМ2. По такому же принципу вторично мотивированы русские жаргонные названия локомотивов: *машка, маруся* — тепловоз М62, *федя* — паровоз серии ФД, *шурик* — паровоз серии Шу, *вильгельм* — электровоз ВЛ-8, *владик* — электровоз ВЛ. В связи с приписыванием локомотивам названий, мотивированных личными именами, возникает вопрос — на каком основании одни объекты наделяются женскими, а другие мужскими обозначениями, какие именно факторы обуславливают распределение данных единиц состава по разным «полам». В этом случае, видимо, действует механизм родовидового соотношения: локомотив, электровоз, тепловоз / *elektrowóz, spalinowóz* → он → мужской род → *владик, шурик, iwan, sergiej*; машина / *lokomotywa / maszyna* → она → женский род → *машка, маруся, tamara, walentyňa*.

Употребление имен собственных в функции наименований неодушевленных предметов может свидетельствовать об эмоциональном отношении людей к неживым объектам, о желании придать им человеческие черты и создать некоторую связь. Именно это, как представляется, отражено в русских названиях. Вторичное применение типично отечественных имен (исключение: *вильгельм*) в номинативной функции показывает, что русские испытывают чувство близости к объектам, с которыми имеют дело в повседневной жизни, трактуют их как «свое, близкое, родное», а осознание национальной принадлежности им особенно дорого. В польском языке в большинстве случаев вторичное употребление имен приобретает противоположную функцию указания на национальность производителя той или иной единицы подвижного состава и, тем самым, на национальную чуждость данных объектов, с целью разграничения «свое» и «чужое». Это особенно заметно в следующей группе названий (главным образом польских), вторично мотивированных названиями национальностей.

3. Лексические единицы этой группы близко связаны с польскими лексемами предыдущей. Как там, так и здесь, путем вторичного употребления

соответствующих слов указывается прежде всего на страну производителя данного объекта. Причем, если в случае рассмотренных ранее жаргонных названий указание на национальность производителя происходило косвенно (через посредство типичных для данного народа имен), то здесь оно имеет прямой характер: *anglik* (электровоз серии EU07, производимый на основе английского локомотива), *rumun* (румынский тепловоз серии ST43), *czech* (электровоз серии EP05, производившийся в Чехословакии), *enerdowiec* (электровоз, производившийся в бывшей ГДР), *rusek* (советский электровоз серии ET42). В этом последнем названии отражено не только указание на производителя, но также и на отношение к нации — разговорно-пренебрежительное: *Rusek* вместо нейтрального литературного *Rosjanin*. Не исключено также, что выбор такого названия продиктован желанием применить более краткую и экономичную форму. В русском железнодорожном жаргоне существует примыкающее к польским названиям слово *чех* (обозначает электровоз серии ЧС2), которое имеет такую же мотивировку, как и его польский эквивалент. Из этого можно сделать вывод о том, что употребление названий национальностей, как и имен собственных, по отношению к изделиям чужой технической мысли является самым простым и доступным способом указания на их не отечественный характер.

В связи с употреблением имен собственных и названий национальностей для наименования неодушевленных предметов можно говорить о своеобразной анимизации и расширении значения определенных лексем, которые начинают обозначать как людей, так и неживые предметы. Жаргонные названия, вторично мотивированные наименованиями неодушевленных предметов, рассмотрим в следующей, последней группе.

4. В группу названий, возникших на основании слов, обозначающих неодушевленные предметы, можно отнести следующие: *trumna*, *telewizor*, *tramwaj*, *grzałka*, *czajnik*; *аквариум*, *банк*, *бассейн*, *кабак*, *сигара*. В этой группе, как и в первой, основным фактором, обуславливающим вторичное использование определяемых лексем, становятся характерные ассоциативные признаки референтов, называемых словом. Что касается названий *trumna* и *telewizor*, здесь таким признаком оказывается отношение к форме. Определение *trumna* получил тепловоз серии SM31, длинная и тонкая линия кузова которого действительно напоминает по форме гроб. Наименование *telewizor* вследствие угловатых и довольно грубых контуров получил электровоз серии ET21. Признак формы положен также в основу лексемы *сигара*. В русском железнодорожном жаргоне этим словом определяется восьмиосная цистерна, длинная и круглая емкость которой напоминает сигару. Лексема *tramwaj* относится к рельсовому автобусу (тип SA120).

Возможно, что эта единица названа таким образом благодаря некоторому стереотипу. Так, каждый поляк привык к тому, что словом *autobus* определя-

ется вид дорожного транспорта. Однако в ситуации, когда эта лексема начинает употребляться для обозначения рельсовой единицы тяги, это вступает в противоречие с закрепленным в сознании носителей языка представлением об автобусе и новой прагматической ситуацией, заставляющей употребить то же слово, но применительно к иному объекту. В связи с этим, на основании функционального сходства с трамваем, такая единица включается именно в данный разряд. Трудно было бы привыкнуть к определению типа **дорожный трамвай* / **tramwaj drogowy*.

Отметим, что название *czajnik* в польском железнодорожном жаргоне обозначает тепловоз серии SP42. С чайником ассоциативно связывает его водяной пар, который выходит из системы парового отопления тепловоза. В этом случае основой переноса становится не внешне наблюдаемый признак формы, сколько особого рода следствие эксплуатации. Определение *grzalka* относится к тому же тепловозу. В этом случае вторичную номинацию обусловила возможность отопления состава тепловозом. Перенос возникает по функциональному основанию: как грелка нагревает воду, так локомотив «нагревает» вагоны.

Функциональный признак лег также в основу названия *банк*, которое в жаргоне обозначает вагон для перевозки ценностей, ценных предметов. В жаргонном обозначении нашло свое отражение упрощенное и обобщенное представление о банке, как о хранилище — «то, где ценности». Подобное представление могло обусловить вторичную номинацию лексемы *бассейн* («то, где вода»). Как жаргонная единица данное слово обозначает вагон, предназначенный для перевозки живой рыбы. Кроме того, здесь может присутствовать еще один признак — форма (прямоугольник). Именно такую форму имеют, как правило, бассейн и вагон. Определение *аквариум* получил электровоз серии ЧС4. Здесь в основу вторичной номинации положен, по видимому, признак «материал» (стекло), так как этот локомотив отличается особенно большими панорамными лобовыми стеклами. Словом *кабак* определяется вагон-ресторан, а в основу вторичной номинации здесь ложится признак «место» (место, где пьют). Причем вторичное употребление именно этого существительного свидетельствует о том, что в жаргоне данное слово имеет оценочный и, скорее всего, негативный характер — может указывать на то, что называемый *кабаком* вагон-ресторан посещается пассажирами не обязательно для того, чтобы только поесть.

Итак, в рассмотренной группе названий в основу вторичной номинации легли главным образом признаки формы и функционального сходства референтов (особенно русских лексем), обозначаемых одним словом.

В заключение можно было бы сделать следующие выводы. Среди проанализированных лексем преобладают такие, вторичная номинация которых была обусловлена сочетанием физических признаков референта-основы

и референта, для названия которого вторично применялось определенное слово. Для польских жаргонных наименований свойственны, главным образом, такие признаки, как форма, размер и цвет. Для русских — функциональные признаки. В русском железнодорожном жаргоне вторичная номинация (намного чаще, чем в польском) происходила за счет обыгрывания эксплуатационных названий единиц подвижного состава. В свою очередь, для польского жаргона более свойственно то, что вторично мотивировались лексемы, относящиеся к разряду имен собственных (личные имена), а также названия национальностей. Ведущее значение как для польского, так и для русского железнодорожного жаргона имеет метафора, о чем свидетельствует наибольшее количество вторично мотивируемых лексем по признаку ассоциации и сравнения, которые всегда лежат в основе именно метафорического переноса¹¹.

¹¹ Ср. *Encyklopedia języka polskiego...*, s. 224.

Maciej Walczak

Zjawisko wtórnej nominacji w żargonie
(na przykładzie polskich i rosyjskich nazw lokomotyw i wagonów
w żargonie pracowników kolei)

Streszczenie

Niniejszy artykuł stanowi próbę porównania polskiego i rosyjskiego żargonu kolejowego w kontekście zjawiska wtórnej nominacji, żargonu, który dotychczas nie był obiektem badań ani w polskiej, ani w rosyjskiej lingwistyce. Uwaga autora skupiona jest na wybranych nazwach taboru, wśród których dominują leksemy wtórnie motywowane nazwami zwierząt, nazwami własnymi (imionami oraz nazwami narodowości — szczególnie w polskiej części materiału leksykalnego) oraz rzeczownikami pospolitymi, nazywającymi przedmioty nieożywione. Największą grupę stanowią leksemy, których wtórną nominację warunkowała asocjacja cech fizycznych desygnatów (szczególnie kształt, rozmiar i kolor), w mniejszym stopniu — cech funkcjonalnych.

Maciej Walczak

The phenomenon of derivative nomination in jargon
(on the example of Polish and Russian names of locomotives and carriages in the
jargon of railway workers)

Summary

The article constitutes an attempt to compare a Polish and Russian railway jargon in the context of the phenomenon of derivative nomination of the jargon which has not been the subject of research

either in Polish or Russian linguistics. The author pays attention to selected names of transportation among which dominate the lexemes derivatively motivated with animal names, proper names (first names and names of nationalities — particularly in the Polish part of the lexical material) and common nouns designating inanimate objects. The largest group is composed of those lexemes whose derivative nomination was conditioned by the association of physical features of designatum (especially shape, size and colour) and functional features to a lesser extent.